

Андюсов Е.А. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ. (ЗАПИСКИ СОЛДАТА)

Служба в Армии: 1944 -1950 гг.

Призыв в октябре 1944 г. - 133 запасный стр. полк (1944 г.); - 155 Гвардейский Померанский стр. полк 52-й Гвардейской Рижско-Берлинской стр. дивизии; (1944 - 1945 гг.), 3-й бат., 7 рота, гвардии рядовой; - тяжелое осколочное ранение: 16.03.1945 г.; р. Одер, эвакогоспиталь в/ч 14254 г. Седлец, Польша; - гор. Берлин, команда (командантски взвод) выздоравливающих; 52 гвардейской дивизии (23.04.45 – 2.06.45 г.) гвардии рядовой; - 155 гв. сп, 1-й батальон., 1-я рота (обстрелянных) 2.06–10.10.45гг.; 756 стр. полк, 150 стр. дивизии Знамени Победы; Штаб 3 УдА, - в/ч 61482 ком. (полк. Ф.Зинченко), командир отделения в роте охраны штаба Армии (1946 г.). мл.сержант.; - Наборщик типографии секретного отдела Штаба 3 УдА, 756 сп, 150 Идрицко-Берлинской дивизии, мл.сержант (1947-1948 гг.); - 597 стр. полк, 150 стр. дивизии (1949-1950 гг.) старшина роты, старший сержант в/ч 36518

... Орден «Отечественной войны» 1 степени, Медаль «За отвагу» № 2667391, Медаль «За освобождение Варшавы», Медаль «За взятие Берлина», Медаль «За победу над Германией», Медаль «30 лет Советской Армии» (1948 г.), Похвальный лист за безупречную службу в рядах Советской Армии, Благодарственная грамота командующего советскими войсками в Германии (от Чуйкова Василия Ивановича), Юбилейные медали и медаль «Гвардия».

Детство.

Родился я в 1926 году в большой крестьянской семье. Кроме отца с матерью, с нами жили вместе старшая сестра сестра Мария (пока не вышла замуж), старший брат Иван с женой и двумя детьми, брат Осип, я, сестра Маша и брат Василий (умер во время голода 33 года). Еще один самый старший брат еще до моего рождения жили своей семьей, отдельно. У нас было обычное крестьянское хозяйство. Оно требовало много труда. В начале 30-х годов в хозяйстве имели лошадь, корову, больше десятка овец. Земли у нас было много. Когда появились колхозы мы по-прежнему в деревне оставались крестьянами-единоличниками. Мать была очень набожной и отказалась вступить в колхоз. За это с нас постоянно брали очень высокие налоги. Несмотря на то, что в семье было много детей, в августе 1931 г. за недоимки у нас увезли корову. Помню, мать уцепилась за ногу коровы и рыдая волочилась по земле. Один из коммунистов-активистов ударил матери по руке сапогом; только тогда она отцепилась от коровы. В 1933 или 34 году за долги увезли лошадь, продали нашу баню, ворота, всех овец. Но мы продолжали вести единоличное хозяйство. Вскоре нам удалось опять лошадь купить и мы с братом по ночам ездили ее пасти на поводу по межам.

Нас, детей, родители рано начали приучать к труду. В возрасте 3-4 лет мы должны были подметать пол. С 5-6 лет нас начали возить на жнитво и стали учить жать серпом; часто серпом ранил пальцы. В 36 году мы, все дети, на жнитве заболели тифом и нас оставили одних дома. Детство прошло как у всех. Мы много играли в подвижные игры: в мяч, городки и пр. Много времени проводили на речушке в 1,5 км от деревни. Купались, ловили пескарей ситом. Маленьками зимой катались на салазках, постарше – на самодельных лыжах и коньках. Еще до школы пристрастились мастерить игрушки, потом делать макеты самолета У-2. В 6-7 кл. научился подшивать валенки. До армии множество пар валенок подшил, постоянно брал на ремонт сапоги и ботинки.

Отец в эти годы постоянно болел. Он был участником первой мировой войны. Был ранен, награжден Георгиевской медалью. Во время той войны он где-то увидел велосипед. Видимо это его так заинтересовало, что когда вернулся с войны домой, то сделал себе велосипед деревянный. Еще в начале 30-х годов у нас висели на стене амбара гнутые из черемухи колеса от того велосипеда с деревянными спицами. Отец крестьянствовал, но был и очень хорошим сапожником. Даже начальники из райцентра заказывали ему шить сапоги. До сих пор многие старики вспоминают его мастерство добрым словом. Передвойной земли уже не было, лошадь продали. Бывало втроем, мать, Осип и я, за лето и осень на тележке навозили из леса за 5-6 км. дрова на весь год.

В начале войны в армию были мобилизованы все трое старших братьев.

Старший брат в конце ноября или начале декабря 1943 г. погиб в Иране, в г. Тегеране, во время Тегеранской конференции. Второй - 20 июня 1942 г. пропал без вести под Москвой. Третий из братьев во время войны служил в батальоне аэродромного обслуживания в авиационной бомбардировочной дивизии дальнего действия, бомбившей Германию. В войну только и приходилось: работать и работать, чтобы выжить... Но и учился. Закончил 8 классов. К 1944 году из нашей деревни некого было брать в армию. Мой 1926 год рождения начали призывать осенью 43 года. Меня из-за маленького роста (ниже 150 см) долго не призывали. В 1944 году, когда мне

исполнилось 18 лет и я достиг роста 149,5 сантиметров, призвали в армию. Больной тяжело уже отец проводил меня за деревню, мы попрощались. Через неделю он умер...

В запасном полку.

В запасном полку меня зачислили в лыжную команду. С детства постоянно на лыжах катался. Ежедневно тренировались, бегали на лыжах в сапогах. Хорошо запомнил лыжный кросс на 30-40 км. Нас предупредили: "Кто выдержит - попадет в гвардейскую часть". Прошел неплохо. Получил благодарность от командира роты и комвзвода. Дома в войну вся наша семья жила впроголодь, и в запасном полку нас кормили очень плохо. Тощий был я тогда и роста небольшого. Один раз удалось достать сухарей. Сел в ленинской комнате, помянул умерших и погибших родственников. Как и мои родители, я с детства был очень верующим человеком. Даже в комсомол я по этой причине вступил уже в армии, после войны.

На фронт нас провожали с оркестром. Командир 33-й запасной дивизии (мы были в 133 запасном полку этой дивизии), пожилой, даже старый уже генерал выступал с речью. Потом пошли музыканты, за ними мы. Нам стали выдавать сухой паек (800 гр.). Впервые каждый день стали наедаться досыта. В паек входили 1 пачка концентраты «пшонки» и «овсянки», хлеб, сахар (25 гр.)

Эшелон.

Пока ехали до Москвы только 2 раза давали горячую пищу. Ехали довольно медленно. В Москве кормили в столовой: далековато водили. Часов шесть поезд стоял на вокзале. Ребята-москвичи успели сбегать домой.

Топора в товарном вагоне у нас не было. Дрова кололи тормозным башмаком. В товарняке везде были щели. Топилась постоянно печка-буржуйка. На каждой станции нам выдавали дрова. За водой бегали к паровозу. Когда заправляли водой, то сверху лилось, а мы держали под струей котелки. После войны выяснили, что из нашего вагона из 36 человек в живых осталось всего 13...

Едем на фронт, а вокруг следы войны, разрушения, сгоревшая техника, печные трубы. Выгрузили нас на ст. Морозовка (?). Это юго-восточнее Варшавы. Здесь нас вооружили карабинами, автоматами, ручными пулеметами, ПТР. Мне выдали карабин. Когда прибыли, то по дурости я продал за 200 золотых нижнее белье. Потом замерзал.

Польша... Январь 1945 г.

.... Командиром нашей 52-й гвардейской дивизии был генерал-майор Козин. Полком (я был в 155 гв. сп) командовал подполковник Романов. Командир роты был сначала старший лейтенант Ежов, затем – мл. лейтенант Подопригора. Командир нашего первого взвода был назначен младший лейтенант Бурков. (В апреле 1945 г. он стал командиром нашей роты. Наша рота первой из дивизии оказалась на окраине Берлина, Бурков за это был награжден орденом Красного Знамени).

До форсирования Вислы было долгое затишье. Укомплектовали полк, выдали новое обмундирование, довооружили всех. Как говорится, отсыпались, отъедались, в общем несли службу. Стояли лагерем в лесу недалеко от станции Морозовка (?)... Правда за это время у нас двоих солдат выкрали немецкие разведчики, заходившие далеко в наш тыл.

...14 января 1945 года... После форсирования Вислы по льду (здесь погибло несколько солдат из нашего взвода), началось наступление южнее Варшавы. Были постоянные бои, марши по 35 – 45 километров (иногда и больше) в день.

...Вошли в деревню, а там все улицы были усеяны трупами наших солдат. Они наступали раньше. Было не менее 50 убитых. Мы зашли в ограду, затем вышли в огород. А тут через поле по нам открыла огонь артиллерия и немцы пошли на нас. Мы стреляем по ним и бегом выбегаем на улицу. Затем, стреляя, стали перебегать на другую сторону улицы. Но немцы в конце улицы успели поставить на церковь пулемет и стреляли теперь вдоль улицы.

Перебегаем группой втроем: первым бежит помкомвзвода, затем бегу я. За мной следом бежит мой товарищ (у нас на двоих был один котелок): здесь, позади меня его и убило. Я только перебежал улицу вслед за помкомвзвода, как он кричит: «Брат, меня ранило». Помкомвзвода наш грузин был, отдал мне перед смертью свою саперную

лопатку (у меня своей не было), сам прошел немногого, метров 50 и там умер. У него было ранение в живот. Если бы он остался лежать на месте, то, может быть, остался бы в живых. Меня не задело. Были пробиты пулями только шинель и шапка.

Я оказался на этой стороне улицы. Отстреливался один, пока наши не перебежали. Засели в доме в переулке, на углу. Ночевали здесь же. Немцы были в сарае на углу на той стороне переулка, метров всего в 6-7-и. Всю ночь наши и немецкие патрули ходили по обе стороны улицы. Мы с одним солдатом ходили этой ночью за патронами в наш тыл. Взяли патроны, вернулись к своим, и второй раз пошли. Но тут чуть к немцам не попали. По ошибке свернули в сторону в темноте. Хорошо, наткнулись на убитого немца, на улице, вспомнили, где он днем лежал, и вернулись. Потом до утра сидели и следили, чтобы немцы не подкрались.

... Ежов был назначен заместителем командира батальона. Следующей ночью новый командир роты мл. лейтенант Подопригора послал нас со старшиной в штаб батальона. Стемнело уже, когда мы пришли в соседний хутор. Зашли в дом. В одной комнате был штаб, а в другой комнате было полно солдат. Все спали. Негде было лечь. У стены стоял большой старинный шкаф. Я туда залез и уснул. Нога только высывалась из шкафа. Ночью солдат подняли по тревоге и они ушли. Вскоре прошел по всем домам патруль. Меня вытащили из шкафа и повели в штабную комнату. Помню, в комнате сидят комбат, замполит и 2-3 офицера. Они подумали, что я удрал от своих, спрятался в шкафу и уснул там. Комбат грозится: «Расстреляем!» Старший лейтенант говорит: - «Объясни». А я ни слова не могу сказать, растерялся. Но все же отпустили.

Устроились потом комфортно. На стол поставили пулемет. В 10 часов утра немцы пошли в атаку. И одна их самоходка. Но отбились. Минут 15 прошло. Замкомбата Ежов приказал мне быть его связанным. А комбат все кричит: «Ты еще не в роте!»

Через некоторое время наши во дворе поставили 45-мм пушку. Только мы поесть успели, как немцы открыли огонь и стали опять наступать. Замкомбата Ежов видит, что наши солдаты стали отступать. Побежал к штабу и мне приказывает: «Остановливай их!» Бегу вдоль улицы. Немцы стреляют, из минометов бьют но мне все же удалось остановить все-таки бегущих солдат, а через некоторое время и бой закончился.

... В тот же день деревню мы отбили окончательно. Ночь спали спокойно. Под утро - подъем и опять пошли вперед. Прошли 3-4 км. Затем перешли через железную дорогу. Полотно старое, рельсы ржавые. Нас известили: «Впереди хутор. Немцев выбьем и дальше сегодня не пойдем». Дали в поддержку пушку, и еще 2 или 3 пулемета. Выбивали немцев из этого хутора силами нашей роты. Пошли в атаку. Немцы открыли сильный огонь. Но наша пушка подбила несколько точек. На хуторе немцы сидели в кирпичных домах и сараях за крепкими стенами. В ближайший день взяли еще 2 хуторка-деревни. Оттуда мы увидели город Линде. Здесь уже была территория Германии.

Германия.

Около хутора был лесок. Окопались вдоль леса. Вырыли ячейки одиночные. Начальник штаба батальона (ст. лейтенант с одним глазом) обходит всех, ругает командира роты. Нас заставили окапываться по-настоящему. Ходы сообщения вырыли.

На другой день наступали на одну из деревень рядом с г. Линде. Взяли. Но через пять минут нас выбили оттуда. Под вечер ту же деревню опять взяли с боем и окопались на той стороне, за деревней. Мл. лейтенанта Подопригору сняли с должности комроты. За отступление накануне. Во-первых, по его вине тогда 4 пушки потеряли и за то, что во 2-й раз роту выбили из соседних домов. Новым командиром роты нам назначили другого лейтенанта.

Нашей дивизии был дан приказ выбить немцев из Линде. Разведчики работали 3-4 дня там. Говорил, что в садах идет линия окопов. И в домах стоят пулеметные точки. Всю нашу роту поставили в резерв и нас в тот день перевели в соседнюю деревню.

В той деревне стоял штаб нашего 155 полка. Нам приказали окопаться около штаба. Окопались. Был теплый солнечный день. Я вылез на бруствер, пишу письмо матери. Немцы увидели и стали стрелять. Завыли мины и три разорвались очень близко. Я тут же нырнул обратно в окоп.

Еще 3-4 дня готовились к штурму очень хорошо укрепленного немецкого городка Линде (Здесь начинались укрепления «Померанского вала».). В полку у нас

прибавилось техники. На помощь прибыли три самоходки СУ-76. Назначили день наступления. Наша 7-я рота опять была переведена из резерва в расположение своего 3-го батальона. По общему плану наступления наш батальон поставили на левом фланге. Первый батальон нашего полка должен был наступать на Линде правее нас.

Штурм и взятие города Линде.

С утра была артподготовка. Потом мы пошли в наступление. Немцы стреляли по нам. Мы не успели подойти метров 50 до их окопов, как они стали бросать гранаты. В нашем батальоне появились убитые и раненые. Ворвались в окопы, взяли их. Везде лежали убитые немцы. Дальше сюда ворвались в город. Здесь в 3-4 ряда стояли двухэтажные дома. Наша рота заняла один из домов. Здесь мы захватили 4-х пленных. Их заперли под охраной в одной из комнат.

В следующих домах тоже были вначале наши из других рот, но их немцы быстро выбили оттуда. Только мы, 7-я рота, удержала свой дом. Затем немцы 3 или 4 раз продолжили атаковать наш дом. Я во время этих атак стрелял по ним из карабина из окон второго этажа. А немцы били по нам из пулеметов из окон домов напротив нас. Лейтенант, комроты, на втором этаже командовал. Раза два бегал по его приказу на первый этаж команды передавать. «Летал» через две ступеньки.

Началась немецкая четвертая атака. Они пошли, а у нас патронов почти уже нет. Но тут весь наш 155-й с «Ур-р-а!» пошел в атаку и сразу другие дома рядом занял. Немцы отступили. Оборонялись до вечера. Вечером старшина принес нам патроны и гранаты. Готовились к дальнейшему наступлению. Бои за Линде продолжались еще два дня.

К этому времени за все время наступления по Польше от Вислы из нашей роты выбыло убитыми и ранеными более 20-30 человек. В начале наступления на Линде перед окопами и перед домами мы потеряли убитыми и ранеными из нашей роты еще человек 12-15. Еще двоих солдат убило и восьмерых ранило в тот день во время обороны дома.

Штурмовая группа.

На третий день боев в Линде дошли до перекрестка, точнее до развилки двух улиц. Здесь углом стоял большой трехэтажный дом. Немцы его сильно укрепили. Потеряли наших ребят порядочно, но дом взять не смогли. Разведчики к вечеру обнаружили под землей старую канализацию, которая проходила под этим домом.

Ночью, перед рассветом сформировали штурмовую группу из 15 человек из нашего батальона, кто пошустрие. Я тоже туда попал. Каждой группой из пяти человек командовал офицер. Всем поставили задачу. Все объяснили. Наша пятерка должна была брать 3-й этаж. Ею командовал мл. лейтенант из другой роты. Группой 2-го этажа командовал мл. лейтенант Подопригора.

Первыми шли саперы, потом группа 3-го этажа (то есть мы), следом второго и первого этажей. Воды в канализации не было. Шли пригнувшись. Воздух был очень тяжелый, пахло сыростью. Саперы взорвали во дворе дома верхнюю часть хода и образовался лаз. Мы быстро выбрались. Надо было лезть в окно первого этажа. Как только вылезли из канализации, меня и еще одного солдата подсадили в окна одной из комнат. Позже постоянно думал об этом. Даже гранату не бросили сначала. Если бы там были немцы, то нас бы убили сразу.

Меня подсадили в одно окно, товарища - в другое. Нам просто повезло. Через несколько секунд все 15 наших ребят были в комнате. Открыли дверь в коридор. Уже светало. Только вышли в коридор, немцы почуяли нас на лестничной площадке и пошли навстречу. Я тут же заскочил назад в комнату. Но из-за спины кто-то бросил гранату. Мл. лейтенант наш бегом, мы за ним по винтовой лестнице вверх. Главное, нужно было действовать на всех этажах одновременно. Мы пробежали второй этаж и выскочили на свой, третий. Наш батальон в это время начал атаку на дом. Немцы открыли по ним огонь из пулеметов из окон дома.

Еще ночью, когда собирали штурмовую группу, каждому была поставлена своя цель. Моеей задачей было бросать гранаты в комнаты. Мне выдали одну противотанковую и четыре противопехотные гранаты. Следом за мной автоматчик из нашей роты должен был стрелять из автомата. Командир «пятерки», мл. лейтенант в это время держал под прицелом коридор.

Я бегу вдоль коридора и бросаю в комнаты гранаты. Бросаю гранаты в две комнаты, затем не задерживаясь в 3-ю комнату,. Сзади ребята залетают и стреляют по пулеметчикам. В 3-й комнате немцы уже все поняли и начали стрелять по нам. У нас не получилось все проделать в 1-2 минуты. Повезло, в это время в дом ворвались солдаты из нашего батальона. Дальше мы продолжали бросать гранаты и стрелять в следующих комнатах. Всего на долю нашей пятерки вышло комнат 5-6. Часть немцев сдалось в плен.

Никого из 15-ти солдат и офицеров всех трех штурмовых пятерок не убило. Мы успокоились. Собрались на втором этаже. Стоим, разговариваем. Командир говорит: «Ну вот 15 минут и готово». Но тут выскоцил здоровенный эсэсовец и ножом заколол троих наших ребят. Стрелять по нему было невозможно. И по своим можно было попасть, и верткий и сильный очень он оказался. Эсэсовец бросился по винтовой лестнице вниз, скатился. Упал, тут его внизу и пристрелили.

В тот день мы взяли еще 3-4 дома. Подбегаешь к дому, бросаешь внутрь гранату и внутрь. Еще через два дня город Линде мы взяли полностью. В целом город брали пять дней наш 155-й и часть 153 полка нашей дивизии. Вечером заняли еще 3 деревни-хутора за городом. Остановились в третьей деревне на ночь отдыхать. Наш взвод занял на ночь полностью целый дом.

В тыл к немцам за раненным разведчиком

Ближе к ночи командир роты отправил меня в составе группы из трех разведчиков (я - четвертый) вытащить раненного разведчика из расположения немцев. До немцев было метров 300-400, а дальше пригнувшись мы прошли по лесу не меньше 4-х км. Перед выходом разведчики меня подучили как предупредить кашель (если вдруг «нападет»). Нужно сколько можно больше заглатывать в себя воздух с силой проталкивая в легкие и горло, затем выдохнуть. И так несколько раз.. Помогло. Сырость была и прохлада: все-таки март месяц был. Пока шли, пригнувшись и стараясь не шуметь, несколько раз вокруг слышали немецкую речь. Также в стороне были отблески их костров. Раненного разведчика мы вытащили на плащ-палатке. Несли лесом и, главное, переходили с ним вброд по пояс в воде через речушку. Разведчики злые, матерые. Я чуть было не выронил свой угол. Руки занемели. Кое-как дотянулся зубами за угол плащ-палатки и так донес. Если бы уронил, то вспоминая сейчас думаю, разведчики могли бы и пристрелить.

Уже позднее, после войны, я попал служить в 1-ю роту (роту «обстрелянных») и тут узнал о том разведчике. Мы вынесли тогда из немецкого тыла знаменитого разведчика-старшину отдельной разведроты нашего гвардейского 155-го полка. В нашей траншее его тут же подхватили на носилки и унесли в тыл, в госпиталь. После войны перед демобилизацией он ходил с тростью. И вот однажды, в июне или июле 45-го, на вечерней поверке к строю нашей роты подошел офицер в папахе, командир разведроты ст. лейтенант Король с тем разведчиком и перед строем пожали мне руку. Объявил всем, что благодарит за спасение своего разведчика. Я тогда сразу почувствовал, как ребята меня зауважали: САМ Король руку жмет! Про Короля говорили, что у него на 11 ранений 12 орденов и медалей!

А тогда, как вытащили разведчика, наш ротный старшина велел отдохнуть. У печки начал сушиться. Брюки мокрые. Выжал. Наутро - подъем. Пошли дальше наступать. Через 3-5 км. ночью вышли к очередной деревне. Навстречу наступала другая часть. Окружили здесь немецкую часть. Они сдались.

Ранение на Одере

... Продолжались бои в Померании и на Одере. Тяжелые бои. Очень хорошо запомнился еще такой эпизод. Это был помнится город кажется Хаген. В этот день первый батальон нашего полка оказался отрезанным от всех и к нему невозможно было пробиться. Они оказались в домах на противоположной стороне широкой улицы. Из соседних домов и вдоль улицы немцы обстреливали и их и нас. Отправили в первый батальон 2-х связных, но их убило. Сам командир полка Романов был в нашем расположении и требовал наладить связь. Не получилось. Тогда из нашего 3-го батальона для связи послали меня.

Командир полка говорит мне: так-то и там-то ты должен пройти к ним. Я отвечаю есть и бегу.. Но дважды он останавливает меня и заставляет повторить приказ. Я

путаюсь, не могу повторить, но пытаюсь бежать выполнять.. наконец подполковник Романов заставил запомнить до последнего слова и говорит: «Вот теперь выполняй». После этого с нашего НП со второго этажа бросили на улицу противотанковую гранату и начали артподготовку. Грохот, взрывы и пыль. В это время и наши и немцы вели перестрелку из всех домов. В тот момент я и выскочил на улицу. Мне удалось удачно бегом проскочить через улицу и вбежать в пролом дома напротив. Нашел начальника штаба 1-го батальона. Отдал бумажку и на словах повторил все, что приказал подполковник Романов. Стали вместе наступать и заняли несколько домов. Весь этот день я пробыл в составе 1-го батальона. Только к вечеру вернулся в свою роту.

Дальше мы вышли к Одеру. На всю жизнь запомнился день 16 марта, потому что был в тот день ранен. А наступали ранним утром. Сначала взяли с боем немецкие траншеи. Конечно страшно было столкнуться с ними в упор, но в горячке как-то не прочувствовал .. Потом много раз вспоминал как жив только остался. Немцы отступили. Рассветало. Мы пошли дальше. Впереди было большое поле. По обе стороны лес. Прошли 400 м по дороге, а напротив - хутор с каменными домами. Вдруг оттуда по нам открыли огонь из 3-5 пулеметов и из минометов. Впереди нашей 7-я роты шел взвод разведки во главе с Подопригорой (он уже в разведке был). Мы все тут же залегли в кювет. Командир приказал нам отступить.

Отходим метров 100 и тут мне как камнем ударило по ноге. Ранило в бедро левой ноги. Отползаю. А у меня граната и патроны в сумке и в карманах. Тяжело было с ними ползти. И никак не могу эту сумку развернуть. Кое-как вытряхнул из нее патроны и гранату. Пытался расстегнуть ремень с патронной сумкой, но так и не смог. Они очень мешали мне ползти. Но карабин нельзя было бросать: дело подсудное. Намотал ремень на руку и волок за собой. Ногу в бедре перемотал шнуром, был в сумке. Полз по полю с раной метров 250-300. До леса осталось метров 50, когда наш новый помкомвзвода увидел, что я ранен, прибежал ко мне, вытащил в лес бегом. Стрельба минами продолжалась, а он кинулся за мной. Тут и носильщики потащили дальше. Санитары разрезали брюки, перевязали. В это же время под обстрелом из нашей роты 16 ранило человека, вспоминали уже после войны. Мл. лейтенанта Подопригору тогда контузило.

Я лежал на подводе. Старший лейтенант Шестаков, зам. командира батальона (замполит) пришел проститься. Я расчувствовался из-за этого и даже заплакал (неудивительно, было мне тогда 18 с небольшим лет). Очень хороший он был человек, пожилой уже был по возрасту. Постоянно поддерживал. Помню, как перед боем он говорил нам: «Ребята, если вы погибнете в этом бою, то знайте, Родина ваших родных не забудет!».

Потом на подводах нас повезли в дивизионный медсанбат. Мы лежали в шестером: я, Подопригора и еще четверо. Теплый день был, солнце сверху грело. Разморило нас сильно. В медсанбате нас раздели, положили на стол. Подошла женщина-врач. Сделала перевязку. Дальше на машине повезли в наш корпусной госпиталь.

Корпусной госпиталь. Операция.

В госпитале было полно раненых. Набито полностью. Нары были в 2 яруса. Здесь были танкисты, пехота. Ходячие и лежачие. У меня вдруг понос открылся. Думаю: «Лучше бы меня убило». Осмелился, сказал легко раненому. Дали таблетку, судно.

Только на другой день сделали операцию под наркозом. Операцию делали в палатке. Слышал как режут, как осколки вытаскивают, как их выбросили и они застучали об ванну. Вторую операцию делали позже. Заражение пошло, что ли? Или не все осколки вытащили в первую операцию? Положили на нары. Аппетита не было. Ничего не ел, только пить просил. А давали сладкий чай. От этого еще больше спать хотелось. Раненый рядом просит капусту. Санитарка ему принесла. Мне тоже дала. Стало легче, даже появился аппетит. Потом уснул. Голова болит и температура, чувствую. Сестре сказал об этом. Тут врач принесла стрептоцид. Сказала, что из личного запаса пакетик сохранился... Видимо пожалела меня.. Я же тогда на вид совсем мальчишка был.. Засыпала стрептоцидом рану и сразу полегчало ... Уснул как-то сразу.

Эвакогоспиталь. Польша, гор. Седлец

Вскоре нас погрузили в эшелон и повезли во фронтовой эвакогоспиталь. Остановка была в Познани. Нас кормили ветчиной. Ею были забиты склады-

холодильники по 300 метров. Из Познани поездом отправили в Седлец. Госпиталь был на окраине города. Сделали перевязку, наложили гипс. Начал немного выздоравливать и ходить на костылях. Так с месяц и пролежал. С утра до вечера играли в карты. Рядом с моей кроватью лежал солдат, стариk лет 50-ти, хохол. Подружились крепко. Он сильно привязался ко мне, молодому.

Проводились политинформации. Получили как-то раз пакетики с американскими сладостями, конфетами. Я с детства был матеровой. Очki наладил врачу госпиталя, как пенсне, капитану пожилому. Он сразу к себе приблизил. Даже конферы мне приносил. А потом подарил офицерский ремень с портупеей. Щеголял. Узже потом в роте я этот ремень подарил комантиру роты старшему лейтенанту Буркову. У него не было даже офицерского ремня, но был почти Герой Советского Союза.

Без конца крутили фильм «В шесть часов вечера после войны» (а война еще продолжалась!). Я три раза смотрел, пока лежал в госпитале. Вскоре меня выписали в выздоравливающую команду по охране госпиталя. Был там с неделю. Выдали оружие, карабин. Дали обмундирование, выдали американские ботинки. Но мы их пропили, взамен на польском рынке нашли ботинки плохого качества, дрянные.

Солдаты из нашей команды выздоравливающих ночами патрулировали. Стояли на посту, охраняли госпиталь. Каждый день с нами политзанятия проводили. Рассказывали, как американцы без сопротивления продвигаются, где и какие бои идут. Война вот-вот должна была закончиться.

В Берлине, участие в «команде выздоравливающих».

Из госпиталя попал в запасной полк дня на два. Говорили, что там было до 25 тыс. человек. Оттуда половина были сразу демобилизованы домой. И где-то числа 27 апреля я вернулся в свою дивизию, с самодельной палочкой-тросточкой. Хромал потом еще с месяц. А было это уже под Берлином, точнее на окраине города. Здесь тоже был в команде выздоравливающих охраны штаба (комендантский взвод) своей 52-й гвардейской дивизии. В воспоминаниях Козина написано, что наша дивизия первой вошла в Берлин. Ротного нашего Буркова к Герою представили за это. Почти не спали. Так как кругом были еще немцы. Или отдельные группы, или просто «бродежня», или даже говорили ребятишки совсем молодые с автоматами. Постоянно обстреливали нас. И мы отстреливались, и развалины проверяли. Шли во второй линии дивизии, а наш полк был где-то впереди в первой линии. В ночь на 2 мая 1945 г. был и на посту. По всему городу то там, то там шла стрельба. Но тут все небо засветилось от выстрелов, стреляли рядом совсем даже из пушек Замполит прибежал, командует: «Тревога! На нас напали!» Потом бежит обратно: «Берлин взяли!»

И был тогда страшный момент столкновения в развалинах дома с немецким подростком лет 14-и из их Штурма с фаустпатроном. Не могу и не хочу вспоминать до сих пор. Орден Красной Звезды отдал Ванюшке Лаптеву.. чтобы его наградили. Так еще неделя прошла. А в ночь с 8 на 9 мая стоял опять на посту. Уже вышли к центру Берлина. Прибежал начальник караула. Кричит во весь голос: «Война закончилась!». А кругом уже поднялась бешенная стрельба. Стреляли из автоматов, карабинов, пистолетов, даже из зениток. Как сумасшедшие. Я все патроны расстрелял, потом начальник караула принес еще патронов. Утром 9-го был праздничный завтрак. Всем по 100 гр. спирта дали. Старшина-грузин отдал мне и свой паек, еще 100 гр.

В этот день я написал домой матери письмо.. В нем смог только от всех переживаний написать: «Мама, я живой. 9 мая 1945 года». И все.

Возвращение в свой полк.

Прибыл в свой 155-й полк я только недели через две-три после войны (точнее 2.06.45). В первый же день встретил бывшего командира роты, а затем заместителя командира батальона Ежова. Прихрамывая бросился к нему, обрадовался . На поверке, не называя фамилии, говорит: «Вчера один солдат прибыл из госпиталя. Бросился на шею. Пора отвыкать от этого. Началась служба мирного времени и отношения теперь в армии строго по уставу».

Меня определили в 1-й батальон, в 1-ю роту «обстрелянных» своего 155 гв. полка. Командиром роты был назначен наш же ротный по 7-й еще роте старший лейтенант Бурков. Он был награжден орденом Красного Знамени за Берлин, но представляли к

Герою. Всех нас, солдат и 1-й и 7-й роты, и вернувшихся из госпиталей, наградили медалями "За взятие Берлина". Бурков нам говорил, что именно наша прежняя 7-я рота первой из всей дивизии вошла в пригород Берлина. А из всей 3-й ударной армии первой вошла в Берлин дивизия генерал-майора Козина. В 1945 г. полное название нашей дивизии было: 52-я Рижско-Берлинская Рижско-Берлинская орденов Ленина, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени гвардейская стрелковая дивизия. А наш полк получил наименование 155-го гвардейского Померанского.

Вскоре из госпиталя прибыл и мл. лейтенант Подопригора. И еще. Как-то летом к нашему построению подошли командир роты разведчиков знаменитый Король и с ним разведчик, которого я помогал вытаскивать из немецкого тыла. Меня вызвали и ст.лейтенант Король и второй знаменитый разведчик руку пожали. Так все сразу в роте меня зауважадли: «Сам Король, ему руку пожал!»

Довольно скоро нас вывели из Берлина и с июня по сентябрь 1945 г. мы стояли на демаркационной линии с американцами. От американцев отделяла нейтральная полоса: лесок - поляна - лесок. Началась служба мирного времени. Мы патрулировали по округе. Рядом со штабом батальона еще стояло несколько подбитых во время войны танков. На штаб было нападение немцев и после войны. Часто были тревоги. Даже окопы были приготовлены. Штаб нашей армии располагался в Стендале на территории, которую занявшие ее американцы по договору оставили нам. Там ничего не было разрушено, не было сильных боев. Везде торговали пивом. Немцы без конца переходили через наш КПП.

Из нашей бывшей 7-й роты не были ранены только трое: Белов, Большов и старший лейтенант Ежов. Когда я еще был в госпитале, дивизия вела страшные бои дальше от Одера на подступах к Берлину, затем в городе, где почти все из роты были ранены или убиты. Еще до середины марта в роте осталось менее половины прежнего состава.

В первые недели после войны я «заработал» наряд вне очереди. Приказали нам двоим солдатам вымыть пол в казарме. Это была прежде немецкая казарма. Кое-как с ним проторли пол. Но это «кое-как» не понравилось командиру взвода, сказал: «Разболтались совсем». Принес ведро песка и рассыпал по полу. Приказал, чтобы ни одной песчинки не было. Нас не столько учили мыть пол, но, я понимаю сейчас, а дисциплине учили. А с дисциплиной плоховато было.

Начались занятия. На стрельбище очень многие из роты, в том числе и я не умели метко стрелять в цель. Из за этого в наказание какое то время таскали на стрельбище патроны, и я тоже несколько дней. Но постепенно научился метко стрелять. Даже комбату за хорошую стрельбу представили.

А 2 сентября 1945 г. закончилась война с Японией. В честь этого нам выдали японский трофейный табак.

Служба в особом отделе Штаба 3 УДА и старшиной в 150-й дивизии.

Время тогда было такое, что мы быстро взрослели.. Только год назад я, деревенский, дальше района не был нигде. А тут столько всего увидел, столько прошло событий, что временами казалось, что не со мной это, со стороны как бы и многое делалось автоматически, как сейчас вспоминаю. Мне 18 лет, взводным и ротным было по 19-20, командиру полка было где-то 23-24 года... Конечно были солдаты и постарше, даже пожилые, казалось тогда.. Среди солдат нашего взвода я был самым грамотным: имел 8 классов образования.

В нашей роте был сын полка уже года два Ваня Иванов. были медали. Небольшого роста лет 14. Мне тогда тоже было 18, а рост все еще чуть больше 155 сантиметров. Стояли в строю с ним замыкающими. Рядом. Сдружились. Даже играли в разное. Вместе сбегали в сады к немцам за яблоками. Еле ноги уносили от собак.

В октябре 1945 г. меня вызвали в штаб полка: «Поедете служить в штаб армии». Туда мы выехали вдвоем, я и из полка Миша, артиллерист. Здесь я стал числиться в охране отдела укомплектования штаба 3-й уд. армии. Выдали автомат, ночами охранял отдел. Несколько раз ездил в Берлин с пакетами. В декабре 1945 г. штаб армии перевели в г. Магдебург. Здесь в Магдебурге, в отделе укомплектования, служил до апреля 1946 г. Все это время и до конца службы я служил в составе сначала 756-го, затем 597-го полка 150-й Идицко-Берлинской дивизии, той самой, что брала Рейхстаг. За время службы был знаком, даже дружил с очень многими, о которых потом читал в книгах,

особенно у Шатилова, командира дивизии. Командовал полком знаменитый Зинченко. Видел Съянова, Егорова, Кантария. Дружил с Алясовым, о котором вспоминал Шатилов, как тот геройски отличился на Королевской площади. Многие брали Рейхстаг, как мой друг Митя Севастьянов из Орла.

В апреле 1946 года после проверок и бесед с офицером особого отдела, начальник отдела комплектования направил меня наборщиком в типографию секретного отдела штаба армии. Здесь часто бывали старшие офицеры командования и штаба Армии. В основном мы печатали секретные документы. Все приказы по армии, оперативные документы. В оперативных документах постоянно приводились названия всех частей и соединений 3-й Ударной Армии. Во время набора и печатания обязательно присутствовал офицер из контрразведки. После печатания набор сразу разбирался.

В типографии со мной служили Митя Севастьянов из Орла, Валя Колесов из г. Сольцы, Ваня Орлов из Кургана, Зырянов Вася с Лены, Алясов, Чижма из Кемеровской области. Валя Колесов до конца жизни остался, как и в молодости, замечательным, честным и справедливым человеком. Он умер от рака легких в своем городе Сольцы Ленинградской области в 1989 г. Митя Севастьянов, Дмитрий Афанасьевич вообще необыкновенный человек! Он и сейчас живет в Орле, мы переписываемся с ним много лет. Он жил под оккупацией, затем воевал пулеметчиком, участник взятия Рейхстага.

В Магдебурге очень тепло встречались со ст. лейтенантом Бурковым, когда он приезжал по делам в штаб 3-й Уд. Армии. В том же 1946 г., получив увольнительную на неделю, с Валентином Колесовым ездили в первую роту бывшего моего 155 гв. полка к Подопригоре. Он так и продолжал служить в звании младшего лейтенанта. Встретились очень сердечно. Даже выпили вместе с ним. Где они сейчас, друзья мои?

Очень хорошо запомнилось событие 2 мая 1946 г. В этот день состоялось открытие Магдебургского армейского стадиона. Тогда же зам. командующего 3-й ударной армии генерал-лейтенант Волков вручал награды Героя Советского союза Кантария, Егорову, Неустроеву, майору Белову. Нас выстроили в составе почетного караула. Я попал даже в Знаменную группу при Знамени Победы. Весь дет мы сопровождали в строю. Были фотографы и даже снимали кинокамерой. Позднее, когда я ездил домой в отпуск, в нашем районном военкомате на стене видел «вырезку»-фотографию из журнала (кажется это был «Огонек»), на которой в группе солдат почетного караула в тот день был и я.

Когда служил в штабе армии, видел приезжавшего в штаб командующего советскими оккупационными войсками (так тогда называли) в Германии Соколовского. Но больше всего меня поразил другой случай. Однажды очень близко видел генерала армии Чуйкова. Он после Соколовского был командующим оккупационными войсками в Германии. Бегу с документом в правой руке по лестнице вверх и вижу перед собой внезапно, как кто-то спускается сверху в лакированных генеральских сапогах. Я глянул, вижу - Чуйков. На мгновение растерялся. В правой руке бумажка, не могу козырнуть. Но быстро пришел в себя. Вытянулся по стойке «смирно». Мы посмотрели в глаза друг другу. Он слегка улыбнулся краем губ и прошел вниз. Все из офицеров, кто знал его близко, вспоминали тогда, что Чуйков был очень суровым командующим во время войны. За отступления, говорили, несмотря на чины и звания, даже полковников расстреливал.

В августе месяце 1948 г. я написал рапорт начальнику штаба армии, чтобы направили служить в часть. После 2-х лет службы в типографии иногда стало тошнить и кружится голова. Ведь постоянно работали со свинцовым типографским шрифтом. Видимо от этого... Направили в полковую школу. Проучился месяца 3-4. Потом служил на старшинской должности в 597 полку (командир полка был все еще полковник Зинченко) той же 150 дивизии. Солдат 1924 года рождения демобилизовали в 1947 г. Рядовые солдаты 1925 и 1926 гг. рождения служили до мая месяца 1950-го, сержанты - до октября 1950 года. И только в 1949 году первый раз после войны к нам прибыл новый призыв, солдаты 1928 года рождения. Я демобилизовался 26 октября 1950 года в звании старшего сержанта.

(Автор воспоминаний: Андюсов Ермолай Андюсович, село. Имисское Красноярского края)

P.S. Воспоминания отца были мной записаны в 1990-1995 гг. Дополнены им собственноручно записями 2000 года.

После армии, в 1950-х годах, отец работал на тракторе в колхозе "Победа", Козульского района. В 1960 году занял второе место по краю по пахоте. В 1961 году колхоз «Победа» был преобразован в Балахтонский совхоз. В 1964 году, первый из рабочих совхоза получил звание "Ударника Коммунистического труда", был председателем Совета Ударников Коммунистического труда Балахтонского совхоза. Затем в возрасте 39 лет закончил заочно Шушенский с/х техникум, работал агрономом, секретарем Имисского с/совета Курагинского района. Был удостоин звания «Почетный гражданин Имисского сельсовета». Работал, как и воевал, - честно и добросовестно. Он - пример нам во всем, детям и внукам. Мы, - это четверо детей, десять внуков, пятнадцать правнуоков. Наш отец и дед ушел из жизни 18.12.2014 года в возрасте 88 лет.

(Автор сайта Андюсов Б.Е. (С).)

